

Послевоенный политический кризис и военно-социалистический переворот 17 мая 1936 г.

Поражение на фронте в Чако серьезно осложнило внутривнутриполитическое положение в Боливии. Свержение Д.Саламанки в ноябре 1934 г. было воспринято с облегчением большинством населения. Оппозиция с восторгом приветствовала военный переворот. Газета «Эль Универсаль», считавшаяся рупором Националистической партии, писала в своей редакционной статье: «Свержение Саламанки, как с исторической, так и с моральной точек зрения, означает для национального сознания подлинный смертный приговор всему режиму власти; переворот в условиях войны становится первой предпосылкой спасения... В отрешении Саламанки от власти соединились все жизнеспособные силы страны, воодушевленные священной потребностью уничтожить врага общества номер один, Даниэля Саламанку, человека, который в своем мрачном эгоцентризме и невежестве, в своей психопатологической манере управлять парализовал всякую возможность действовать»²⁴¹. С политическими переменами в обществе возникла надежда на улучшение положения на фронте, на быстрое заключение мира.

Свергнувший Д.Саламанку переворот поставил точку и в политической карьере Ф.Тамайо, избранного президентом на выборах 1934 г. Военные настояли на отмене результатов выборов. Главой государства стал вице-президент либерал Х.Л.Техада Сорсано. Нового главу государства считали технократом, не обладавшим большими политическими амбициями. Х.Л.Техада Сорсано был политиком либерально-демократических убеждений. Он был популярен не только среди традиционных политиков, ориентированных на Либеральную партию, но и среди националистической молодежи. Х.Л.Техада Сорсано принадлежал к той части либералов, которые еще в период правления их партии призывали ограничить

---

²⁴¹ Цит. по – Alcazar M. Crónicas parlamentarias. La Paz, 1946. P.194.

всевластие монополий олова. Будучи министром финансов, в 1919 г. он указывал на социальное зло, порождаемое монополизацией горнорудной промышленности. Однажды, в беседе с писателем и видным деятелем либеральной партии А.Аргедасом, он сказал, что К.В.Арамайю, одного из «баронов олова», интересует только то, как много он сможет вывезти из страны для собственного обогащения, и ничего более²⁴². Х.Л.Техада Сорсано подчеркивал необходимость побороть негативную тенденцию постоянного уменьшения поступлений в бюджет от этой отрасли экономики, нарастания социальной напряженности в районах горнодобычи, где росло количество выступлений рабочего класса.²⁴³ Он был убежден, что существовавшая система может быть сохранена при умеренном реформировании, исправлении явных перекосов в экономической структуре страны, становившейся всё более зависимой от горнорудных монополий.

Прагматизм и патриотизм Х.Л.Техады Сорсано вызвали симпатии к его правительству в самых широких слоях населения. В противовес свергнутому «человеку-символу» его называли «человеком мира». Хотя главной проблемой текущего момента оставалась война в Чако, страна нуждалась не только во внешнем умиротворении, но и в достижении гражданского мира. Новый президент сразу же сделал шаг в сторону оппозиции, пригласив в своё правительство представителей республиканцев-сааведристов и националистов. Важные посты в правительстве получили либералы и республиканцы-саламанкисты Д.Альвестеги, Т.М.Элио, Х.М.Сальес. Оппозиции вручили важные портфели в кабинете: пост министра обороны был предложен старому каудильо Ла-Паса Б.Сааведре. Хотя он сам отказался, его сторонники вошли в правительство. Министром обороны стал сааведрист Габриэль Госалвес, а министром просвещения — молодой политик, один из лидеров силистской Националистической партии Э.Бальдивьесо.²⁴⁴

Х.Л.Техада Сорсано столкнулся с тягчайшим положением в экономике. Ему предстояло решать проблемы финансовой несостоятельности государства. Война в Чако привела страну на грань финансового краха. Чтобы оценить глубину той пропасти, перед которой оказалась послевоенная Боливия, достаточно упомянуть размер государственного долга, достигавшего гигантской суммы в 250 млн фунтов стерлингов, что в десять раз превышало годовой бюджет страны. Бюджетный дефицит в 1935 г. достиг 136 млн боливияно, или 71 % всех расходов. За годы войны национальная

---

²⁴² ABNB. Diario de Alicides Arguedas. T.7. P.202.

²⁴³ Libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952. P.33.

²⁴⁴ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1743.

валюта обесценилась в 20 раз. Появился валютный черный рынок. Население страдало от роста цен. По сравнению с 1931 г. индекс цен на основные товары вырос более чем в два раза²⁴⁵. Приток населения в города увеличил потребность в продовольствии. Все без исключения правительства пытались решить эти проблемы за счет импорта, лишь усиливая таким образом нагрузку на национальную валюту и способствуя её девальвации и последующему витку роста цен.

Для обеспечения поступления в страну жизненно необходимого импорта продовольствия и поддержания минимального уровня потребления в городах, правительство Х.Л.Техады Сорсано установило несколько типов обменного курса,²⁴⁶ что породило массу финансовых злоупотреблений, спекуляций, привело лишь к обогащению валютных дельцов, но не спасло ни валюту страны от обесценения, ни остановило рост цен. Ещё во время президентства Э.Силеса была опробована система принудительной передачи части валютной выручки по специальному курсу. Объем продажи валюты государству в 1933 г. достиг 65%. Правительство объясняло такие жесткие меры логикой военного противостояния в Чако и необходимостью мобилизации всех резервов для военных целей.

Единственным источником пополнения бюджета оставался путь эмиссии и усиления налогового пресса на горнорудные компании. Президент пошел на меры, вызвавшие решительный протест и шквал критики со стороны традиционных партий, его основной политической опоры. Правительство установило правило 55%-ной сдачи валютной выручки экспортеров по курсу более низкому, нежели на свободном рынке. За нарушение этого валютного режима Х.Л.Техада Сорсано угрожал компаниям экспроприацией.²⁴⁷

В 1934 г. льготный курс, по которому принудительно меняли полученную горнорудными компаниями от экспорта валюту на боливиано, был в четыре раза ниже котировок свободного рынка. Покупая валюту «по дешевке» у экспортеров, государство продавало её по более высокому курсу импортерам. По сути, это был дополнительный налог на горнорудную отрасль, что, конечно, негативно сказывалось на её капитализации, снижало уровень прибыли, практически остановило обновление производственных

---

²⁴⁵ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.34–35, 83

²⁴⁶ Впервые система дифференцированных обменных курсов с введением льгот для импортеров продовольствия была введена еще при Э.Силесе и сохранилась при Д.Саламанке.

²⁴⁷ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936 — 1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4, 1988. S.475.

фондов. За счет разницы курсов государство получало 31% всех бюджетных поступлений в 1938 г. и 40% в 1939 г.²⁴⁸

Для покрытия растущих государственных расходов правительство увеличивало налогообложение экспортеров, являвшихся единственным реальным источником получения валютных средств. Начиная с 1934 г. налоги на экспорт, прежде всего, олова были увеличены вдвое. С одной стороны, это больно ударило по горнорудной отрасли в целом, снизив её конкурентоспособность. С другой стороны, правительство всё более зависело от положения в горнорудной промышленности, а следовательно, и от взаимоотношений с «баронами олова». Именно начиная с 30-х годов положение в горнодобывающих отраслях напрямую отражалось на финансовом положении государства. Поступления от налогов на олово составляли львиную долю бюджета. Ситуация в горнорудной отрасли стала проблемой государственного выживания: отсюда многочисленные проекты от полного или частичного контроля за экспортом олова до национализации.

Х.Л.Техада Сорсано стремился разрядить внутривнутриполитическое напряжение: правительство ослабило цензуру, а 20 февраля 1935 г. объявило всеобщую амнистию, что позволило политэмигрантам вернуться в страну. Авторитет правительства укрепился после стабилизации фронта и следовавшего затем контрнаступления боливийских войск в начале 1935 г. Дипломатические усилия кабинета, в котором внешнеполитическое ведомство возглавлял опытный дипломат Томас М. Элио, дали свои результаты: в июне было достигнуто соглашение о перемирии, а в Буэнос-Айресе начались мирные переговоры с Парагваем. Все эти обстоятельства увеличили доверие к президенту, а Конгресс продлил полномочия Х.Л.Техады Сорсано до августа 1936 г. Выборы были назначены сначала на октябрь 1935 г., а затем были перенесены на май 1936 г.

Вместе с успехами в урегулировании военного конфликта, в консолидации всех политических сил, положение Х.Л.Техады Сорсано оставалось очень уязвимым. Неумолимо надвигался политический кризис: росли экономические трудности, политические партии требовали отмены ограничений военного времени. Бывшие союзники президента-либерала, «подлинные-республиканцы», которым больше всего доставалось от критиков их правления в предыдущие годы, выступили с документом, обвинявшем военное командование в некомпетентности и бездарном ведении войны в Чако²⁴⁹. Х.Л. Техада Сорсано во имя добрых отношений с военными пошел на конфликт и даже прибегнул к репрессиям против

---

²⁴⁸ Brien M.W. Op.cit. P.45.

²⁴⁹ Salamanca D. Mensajes y memorias póstumas. Cochabamba, 1976. P.117–126.

«подлинных-республиканцев», лидеров которых в апреле 1936 г. обвинили в заговоре и выслали из страны. Эти обстоятельства сделали невозможным предвыборный союз традиционных партий. Характерной чертой момента было нарастание кризиса взаимоотношений военных и традиционных политиков. Взаимные критика и обвинения разрушали единство политической элиты, ослабляли её позиции в обществе. Этими противоречиями и враждой воспользовались новые политические силы.

Одной из главных особенностей послевоенного кризиса было формирование новых, в основном антиолигархических партий. В последний год войны в крупнейших городах Боливии возникло множество левых и националистических групп, именовавших себя социалистическими. В период войны в левом студенческом движении произошло политическое размежевание: от марксистов отошли те, кто перешел на позиции национал-реформизма, индоамериканизма, ставшего модной политической доктриной благодаря активной пропагандистской работе перуанской АПРА. Часть бывших левых студентов стали симпатизировать национал-социализму и фашизму. Сторонники апризма, бывшие левые студенты и марксисты Х.Суасо Куэнка, Л.Итурральде Чинель, Виктор Андраде, Вальтер Гевара Арсе и Эрнан Силес Суасо²⁵⁰, — в будущем видные государственные деятели и идеологи боливийского национал-реформизма, — в июле 1935 г. основали полуподпольную группу «Бета Гамма», аббревиатура которой означала заглавные буквы испанских слов «Bolivia Grande» — Великая Боливия. Первоначально требования группы не шли далее конституционной реформы и участия в коалиционном правительстве. В конце 1935 г. эта организация издавала одноименную газету.

«Бета Гамма» пошла на тесный союз с рабочим движением, что способствовало радикализации программы группы. Целью этой группы объявлялось создание социалистического государства в Боливии, в котором будут достигнуты взаимодействие рабочего класса, крестьянства и средних слоев.²⁵¹ Внутри «Бета Гамма» сформировалось леворадикальное крыло во главе с Х.Агирре Гайнсборгом, который только что вернулся из Чили, где был одним из организаторов троцкистской партии. Вскоре левые сформировали самостоятельную группу «Левый социалистический блок», который входил в «Бета Гамму» на правах коллективного члена. Х.Агирре Гайнсбург критиковал на страницах популярных газет своих соратников за идеологическую размытость и слабость

---

²⁵⁰ Эрнан Силес Саусо – побочный сын президента Эрнандо Силеса, в будущем один из лидеров боливийского национал-реформизма, трижды становился президентом Боливии (1952, 1956 – 1960, 1982 – 1984).

²⁵¹ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1808 – 1809.

классовой позиции. Программной целью «нового социалистического движения» он объявлял строительство «государства профсоюзов»²⁵². Х.Агирре Гайнсборг оказывал огромное влияние на позицию группы, которая все более эволюционировала влево. Радикализация позиций «Бета Гамма» привлекла к союзу с ней марксистскую «Левую группу» Кочабамбы во главе с видным деятелем студенческого движения 20-х годов, известным пропагандистом марксизма Х.А.Арсе. Х.Агирре Гайнсборг настоял на изменении названия группы на «Социалистическое действие Бета Гамма».

С окончанием военных действий националисты возобновили свою деятельность, попытались восстановить свою партийную организацию. Националистическая партия провела в октябре 1935 г. свой съезд в Ла-Пасе, на котором было объявлено об образовании «Социалистической ячейки», которая реально уже существовала с августа 1935 г.²⁵³ Первая программа «Социалистической ячейки» была опубликована 4 ноября 1935 г. Во время съезда националистов К.Монтенегро, желавший подчеркнуть свою антилиберальную направленность, настоял на «социалистическом» названии новой партии.²⁵⁴ Фактически речь шла о трансформации старой и весьма умеренной партии в более радикальную организацию.

Многие бывшие члены националистической партии, ветераны войны в Чако образовывали небольшие политические группы, неизменно именовавшиеся социалистическими. Самыми крупными были Социалистическая партия Э.Бальдивьесо и «Национальная ассоциация ветеранов социалистов – АНДЕС»²⁵⁵. Эти так называемые социалистические группы, среди которых выделялись Социалистическая партия, «Социалистическая ячейка», группы «АНДЕС», «Боливия», ряд студенческих и профсоюзных организаций объединились в Социалистическую конфедерацию (КС), принявшую в декабре 1935 г. программу «Социалистического действия». Социалисты выдвигали требования «постепенной национализации рудников, нефти, железных дорог и банков», ставили вопрос о необходимости раздела латифундий и просвещения индейцев. Их стратегической задачей была индустриализация и диверсификация экономики с опорой на ресурсы горнорудной промышленности. КС рассматривала валютные поступления от экспорта

---

²⁵² Ultima Hora. 04.11.1935.

²⁵³ El Diario. 08.10.1935.

²⁵⁴ Céspedes A. Op.cit. P.147.

²⁵⁵ По-испански означает Анды, а также аббревиатуру «Национальной ассоциации социалистов-ветеранов войны» (Asociación nacional de ex-combatientes socialistas).

минералов как единственный источник индустриализации экономики страны²⁵⁶.

Политической целью социалистов было единение нации во имя исторического прорыва, выхода из порочного круга зависимости и отсталости. Главным препятствием на этом пути была кастовая ограниченность правящего класса, своей неуступчивостью и сопротивлением реформам толкавшим страну к экономической стагнации и социальной нестабильности.

В основу политической платформы социалистов были положены национализм и антилиберализм. Национализм был естественной реакцией на империалистическую эксплуатацию. Символом чужеземного влияния была горнорудная олигархия, давно потерявшая какие-либо связи со своей страной. Поражение в войне усилило националистические чувства молодых политиков. Политическим выражением правления олигархии был либерализм, ответственный, в глазах социалистов, за крах экономической системы и за все поражения Боливии. Программа социалистов предлагала реформу государственного устройства, в основе которой лежали принципы «прогрессивной функциональной демократии», способной ликвидировать классовую борьбу во имя общенациональных интересов.²⁵⁷ На её авторов большое влияние оказали корпоративистские идеи итальянского фашизма, а также более близкий им опыт «Социалистической республики» и «функциональная» демократия К.Ибаньеса в Чили. Под антиолигархическими и антилиберальными знаменами им удалось объединить самые пестрые политические организации — от марксистов и сторонников индоамериканизма перуанской АПРА до право-радикальных деятелей, симпатизировавших фашизму.

В столице и в других городах помимо КС и «Бета Гамма» возникали сходные партии и группы. В Кочабамбе действовала «Левая группа», в Сукре образовалась организация «Ариэль», в Оруро — группы «Инти», «Блок Авансе (Наступление)», в Ла-Пасе — «Анри Барбюс». Все они именовали себя социалистическими, объединяли в своих рядах как националистов, так и марксистов, опирались на леворадикальную интеллигенцию, студенчество, лиц свободных профессий, рабочих.

В январе 1936 г. руководящее ядро «Бета Гамма» во главе с её генеральным секретарем Л. Итурральде Чинелем настояло на союзе с близкой им по взглядам Социалистической конфедерацией. 30 января 1936 г. «Бета Гамма» объявила о присоединении к КС. Такой союз, заявили её лидеры, предполагал образование единой социалистической партии, съезд которой был назначен на 15 мар-

---

²⁵⁶ Lorini I. Op.cit. P.204.

²⁵⁷ РГАСПИ.Ф.495, оп.122, д.4. л. 12.

та²⁵⁸. Все социалистические (так они себя называли, а на самом деле национал-реформистские) группы объединились в одну партию. На съезде этих групп и организаций в марте 1936 г. была создана единая Социалистическая партия (ПС). В её программу вошли положения декларации КС, принятой в декабре 1935 г. Возглавили ПС бывшие активисты Националистической партии Э.Бальдивьесо, К.Монтенегро, Х.Тамайо (члены КС), Л.Итурральде Чинель (от «Бета Гамма»), Моисес Альварес (от рабочих профсоюзов – ФОТ). Несмотря на то, что новая партия была малочисленна и организационно слаба, она имела большой вес в реальной политике, так как представляла собой собрание влиятельных в обществе деятелей, журналистов, писателей, профсоюзных и студенческих лидеров. Социалисты стремились объединить под крышей своей партии все антиолигархические политические и профсоюзные группы. Поддержанная всеми левыми группами и профсоюзами Соцпартия превратилась в решающую политическую силу.

В январе 1936 г. социалисты и марксистская группа «Блок Авансе» провели в Оруро Первый региональный конгресс левых сил. На конгрессе был сформирован Единый революционный фронт (ФУР). В принятой на этом съезде программе нашли развитие основные положения документов Соцпартии, и даже были добавлены более радикальные формулировки в отношении преобразования государственной системы. ФУР предлагал ввести всеобщую синдикализацию, осуществить политическую реформу с целью создания профсоюзного государства, провести социализацию промышленности, аграрную реформу, коллективизацию земли и прочие меры революционного характера.²⁵⁹ Однако ФУР не стал объединением разных групп, и вскоре сам растворился в Социалистической партии.

Социалистическая партия быстро набирала силу. С ней стали считаться традиционные партии, предполагавшие путем альянсов и привлечения молодых политиков к разделу власти приручить влиятельную группу бунтарей, многие из которых происходили из лучших семей боливийской элиты. В марте 1936 г. Либеральная партия предложила социалистам политическое взаимодействие. Цель либералов состояла в привлечении на сторону правительства Х.Л.Техадэ Сорсано «чакской молодежи» из новых партий. Либералы недооценили всей глубины идейных расхождений с социалистами, что полностью исключало не только союз, но и диалог. В опубликованном в газетах ответе на это предложение Э.Бальдивьесо, подчеркивая фундаментальные доктринальные различия с

---

²⁵⁸ FRUS. 1936, vol.V. Washington, 1954. P.221.

²⁵⁹ Delgado Gonzalez T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984. P.95–97.

либерализмом, писал: «Политическая философия либерализма рассматривает государство как объединение личностей. Для социалистов государство является не миражом, а фундаментальной и в основном экономической структурой; оно определяется социальными функциями, состоит из производительных сил, создающих экономическую, политическую и социальную реальность»²⁶⁰.

Новые политические группы и партии, возникшие сразу же после войны на волне кризиса власти, представляли общественные силы, окончательно разочаровавшиеся в традиционной системе, стремившиеся к преобразованию экономики и государственного устройства. Большинство этих партий начертали на своих знаменах социалистические лозунги. Социализм для Э.Бальдивьесо, Х.Тамайо, Л.Итурральде Чинеля и других, называвших себя социалистами, представлялся такой экономической и политической системой, в которой главной ценностью и, вместе с тем, решающей силой было бы государство.

Социализм представлялся системой, способной вывести страну из кризиса, укрепить государство, консолидировать нацию. У социалистов этого времени были крайне эклектические воззрения на будущее общество, к которому они стремились. С одной стороны, они проповедовали принципы социальной справедливости, говорили о приоритете национальных интересов, о защите природных богатств страны и ограничении монополий. С другой, их всех объединяло неприятие либеральной демократии, стремление к огосударствлению всех сторон общественной жизни и построению корпоративистской системы управления, в чем явно прослеживалось влияние европейского фашизма. Речь шла о строительстве государственного капитализма в экономике, о формировании корпоративистской общественной системы. Их лозунгом была социальная справедливость и преодоление классовой борьбы, понимаемых как огосударствление всех сторон жизни общества, в частности, профсоюзов и политических партий.

Свою модель демократии они называли «функциональной»: по их мнению, в управлении страной должны участвовать только «производящие классы», то есть предприниматели, рабочие, военные и т.д., организованные на принципах корпоративизма. Социалисты считали, что в будущем государстве интересы личности должны быть преодолены во имя величия нации. Национальный эгоизм, абсолютизация и даже преклонение перед идеей государства, отрицание принципов демократии и либерализма как исчерпавших себя, политический волюнтаризм — вот основные постулаты социалистов. В будущем все эти идеи составят основу идеоло-

---

²⁶⁰ Lorini I. Op.cit. P.209.

гии «революционного национализма», боливийского варианта национал-реформизма.

Крайне левые политики не могли согласиться с поглощением революционных групп большой национал-реформистской партией. Х.Агирре Гайнсборг, справедливо усматривая в этом объединении окончательный политический выбор «Бета Гамма» в пользу национал-реформизма и антилиберального радикализма профашистского толка, покинул со своими сторонниками её ряды. В феврале 1936 г. в манифесте, написанном Х.Агирре Гайнсборгом, говорилось: «Конфедерация не является организацией трудящихся..., а защищает и гарантирует капиталистическую и феодальную собственность, обещает передать страну империализму и иностранному капиталу... Мы же боремся за создание классовой социалистической партии»²⁶¹. Сторонники Х.Агирре Гайнсборг присоединились к небольшой марксистской группе «Новый путь», руководимой рабочим лидером Максом Португалем, образовав «Левый социалистический блок», то есть сохранив название группы Х.Агирре Гайнсборга. Это политическое образование объявило себя пролетарской партией. Несмотря на размежевание с социалистами, эта группа считала необходимым на данном этапе продолжать сотрудничество с КС.

Х.Агирре Гайнсборг хотя и отмежевывался от националистов, преобладавших в «Бета Гамма», он всё же не терял надежды на создание единой социалистической пролетарской организации. Он вел переговоры с Э.Бальдивесо, с группой «Андес» и многими другими социалистическими организациями, предлагая им образовать Единый левый фронт, целью которого было революционное свержение олигархии и начало радикальных преобразований в Боливии.²⁶² Фронт мыслился как реализация в Боливии плана создания рабочей партии, выработанного на съезде левых сил в Кордобе (Аргентина) в июне 1935 г., когда была создана Революционная рабочая партия (ПОР) в эмиграции²⁶³.

Х.Агирре Гайнсборг стремился к тому, чтобы ПОР под тем или иным именем превратилась в массовую пролетарскую партию внутри страны²⁶⁴. Однако его усилия не увенчались успехом. Марксистская партия не могла объединить в своих рядах всю антиолигархическую оппозицию. Лишь идея национального государства, внеклассового социализма антилиберального направления могла объединить левых. Именно националисты или, как они себя называли, социалисты пользовались несомненным авторитетом в мас-

---

²⁶¹ Alvarez W. Op.cit. P.85.

²⁶² Abecia Lopez V. Siete políticos bolivianos. La Paz, 1986. P.89.

²⁶³ О создании ПОР см. главу 3..

²⁶⁴ РГАСПИ. Ф.495.оп. 122. д.4, л.12–13.

совых организациях ветеранов войны и профсоюзах. Политическая инициатива принадлежала националистам из Социалистической конфедерации и «Бета Гамма», а не пролетарским группам.

Троцкистские позиции Х.Агирре Гайнсборга и Т.Марофа оттолкнули от союза с ними прокоминтерновских коммунистов и умеренных марксистов, предпочитавших лозунги «Народного фронта» задачам немедленной пролетарской революции. В 1936 г. во многих городах создавались «Региональные комитеты левых», которые через 4 года объединились в марксистскую промосковскую партию. Среди комитетов в провинциях выделялись влиятельный, фактически доминировавший в городе Народный фронт Потоси, марксистские группы «Блок Авансе» в Оруро и «Антауара» в Сукре. Последняя даже издавала свой теоретический журнал. Эти группы установили между собой связь и пытались наладить контакт с Коминтерном.²⁶⁵ В результате противостояния сталинистов троцкистам Х.Агирре Гайнсборга чаще удавалось находить общий язык с социалистами, националистами, нежели с более близкими им марксистами. Троцкисты в Боливии осуществляли тактику «энтризма» (от испанского слова — вступать, входить), то есть вхождения, проникновения в левые, а порой и «буржуазные партии». Их целью была работа по внутреннему преобразению и превращению этих партий в пролетарские организации или, как минимум, давление изнутри на их руководство во имя проведения более радикальной политики.

Наряду с новыми левыми партиями на главную роль в «социалистической» оппозиции претендовала также Республиканская партия Б.Сааведры. Эта партия вела свою историю от Республиканской партии, к которой также принадлежал Д.Саламанка, ставший символом поражения в войне. Б.Сааведра, желая подчеркнуть свой разрыв со всей политической системой, поменял название партии на Республиканско-социалистическую (ПРС). Новая программа партии предлагала провести умеренные социально-экономические реформы, а также реорганизацию государства на корпоративистских началах. «Парламентское представительство должно опираться на корпоративные интересы промышленников, торговцев, студентов; местная власть, муниципалитеты должны быть эффективными, чисто техническими органами, армия должна выполнять социальную функцию»²⁶⁶. Оппозиция Б.Сааведры правительству Д.Саламанки и его собственная идейная эволюция к идеям корпоративизма оживили партию. В годы войны бывшие студенты-марксисты Абраам Вальдес, Франсиско

---

²⁶⁵В архиве Коминтерна имеется письмо группы «Антауара», подписанное Роберто Альварадо, Мигелем Бонифасом (оба видные боливийские ученые социологи и историки) – РГАСПИ. Ф.534. оп.7. д.89. л.7.

²⁶⁶Gomez E. Bautista Saavedra. La Paz, 1975. P.297.

Ласкано, Ф.Эгино Савалья, увлекшиеся Муссолини и национал-социализмом, присоединились к сааведристской партии. После войны ПРС вновь стала влиятельной массовой партией.

В марте 1936 г. Б.Сааведра выступил с программным «социалистическим» манифестом, в котором развивал корпоративистские идеи организации общества. Республиканцы-социалисты или сааведристы в своей новой программе говорили о диверсификации экономики, постепенной национализации рудников, колонизации неосвоенных земель и подъеме сельского хозяйства.²⁶⁷ Б.Сааведра стал ярким поклонником итальянского фашизма. Он ратовал за создание корпоративистского государства по примеру Италии.

Б.Сааведра оставался популярным лидером, особенно среди низов Ла-Паса. Он блестяще использовал «социалистическую» и антиимпериалистическую риторику в своей демагогической пропаганде. Однако его успехи были незначительны. Несмотря на свою политическую мимикрию, Б.Сааведра все-таки оставался человеком прошлого. Боливийцы искали новых, не связанных с позором и катастрофами прошедших лет, политиков, не имевших ничего общего ни с республиканцами, ни с либералами. Понимая это, Б.Сааведра протянул руку сотрудничества своим главным конкурентам, социалистам. Союз сааведристов и социалистов предполагал обязательство поддержать кандидатуру Б.Сааведры на будущих президентских выборах²⁶⁸. Однако было очевидным, что военные вряд ли поддержат устремления Б.Сааведры и передадут ему всю полноту власти. Сааведристы проводили сложную политику союзов и компромиссов, однако у них оставалось мало шансов прийти к власти помимо воли военных. Тем не менее, сааведристы и социалисты договорились о совместных действиях. 4 февраля 1936 г. был заключен союзнический пакт, ставший основой заговора против правительства Х.Л.Техады Сорсано

Сааведра должен был считаться с тем, что хотя социалисты, будучи малочисленной политической партией, обладали большим влиянием в обществе, среди рабочего класса, средних слоев и, главное, военных. Как сааведристы, так и социалисты рассматривали рабочее движение как своего самого естественного союзника. Именно рабочий класс был адресатом большинства положений их программ, заявлявших о строительстве государства социальной справедливости, республики трудящихся и т.д. Союз с профсоюзным движением превращал социалистов в одну из самых влиятельных сил в стране.

---

²⁶⁷ Cornejo A. Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949. P.101–103.

²⁶⁸ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.4, л.12.

С окончанием войны разогнанные Д.Саламанкой профсоюзы возобновили свою деятельность. В этот период в рабочем движении наблюдался огромный интерес к различным радикальным революционным доктринам. Большинство рабочих лидеров склонялись к марксизму и национализму типа перуанской АПРА. В 1935 г. в Оруро был восстановлен профсоюз горнорудных рабочих шахт Итос, Сокавон и Сан-Хосе. В апреле 1936 г. он уже участвовал в Левом региональном конгрессе, на котором был создан Единый революционный фронт (ФУР)²⁶⁹. Рабочее движение оставалось очень неоднородным. Если в городах профсоюзы активно участвовали в политической борьбе, то горнорудные рабочие пока держались в стороне от политики и порой даже отказывались сотрудничать с явно политизированными профобъединениями, левыми партиями и группами, возникшими в конце войны как грибы после дождя.

В октябре 1935 г. были воссозданы профсоюзы печатников и шоферов — наиболее организованных и боевых отрядов рабочего движения. Во главе профсоюза печатников стоял молодой (ему было 33 года), радикальный руководитель Вальдо Альварес Эспанья, пользовавшийся большим авторитетом.²⁷⁰ Начиная с мая 1935 г., подъём забастовочного движения остро поставил вопрос об организации общенационального революционного профцентра. Ещё во время войны из Чили прибыла группа рабочих лидеров М.Альварес, Э.Сальватьерра, Э.Лоса, которые объявили о создании Конфедерации трудящихся Боливии (СТБ).

27 ноября 1935 г. лидеры СТБ совместно с руководством новых профсоюзов печатников и шоферов провели профсоюзную ассамблею, на которой было решено возродить старую ФОТ Ла-Паса, разгромленную в период войны в Чако. В комитет по реорганизации вошли Л.Паласиос, А.Бустильос, А.Карреага. При помощи социалистов ФУР была восстановлена общенациональная Рабочая федерация (ФОТ) в Оруро во главе со своим старым руководителем Г.Мойсесом. Вскоре филиалы ФОТ были восстановлены в других городах. Ещё ранее, 11 июля 1935 г. была возрождена старая анархистская ФОЛ²⁷¹.

Х.Л.Техада Сорсано делал серьезные шаги навстречу рабочему движению. Сила профсоюзов подталкивала президента искать с ними политического взаимодействия. В сентябре 1935 г. правительство приняло новые законы, регулирующие правила найма, что в значительной мере укрепляли социальное законодательство 20-х годов, так как они запрещали любые формы принудительного труда и требова-

---

²⁶⁹ Rodriguez Ostria G. El Socavón y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglo XIX — XX. La Paz, 1991. P.98.

²⁷⁰ Alvarez España W. Op.cit. P.75 – 77.

²⁷¹ Lorini I. Op.cit. P.122.

ла формального трудового договора с рабочими.²⁷² 8 января 1936 г. правительство предложило ФОТ прислать своего полномочного представителя в состав муниципалитета Ла-Паса, что позволило бы решать конфликтные вопросы путем переговоров и компромиссов и сделало бы более сговорчивыми лидеров левых партий. ФОТ отвергла протянутую президентом руку сотрудничества. В профсоюзах и в поддерживавших их политических партиях и группах, в частности, в Социалистической конфедерации, преобладали непримиримые, радикальные взгляды как на действующее правительство, так и на всю политическую систему. На повестку дня ими ставились вопросы радикального реформирования государства и экономики.

Именно в это время ФОТ готовилась развернуть общенациональную кампанию протеста против экономической политики и ухудшения положения трудящихся. К требованиям ФОТ присоединились социалисты, Левый социалистический блок Х.Агирре Гайнсборга, ветеранские организации и даже сааведристская Республиканско-социалистическая партия, традиционно пользовавшаяся большой поддержкой городских низов, ремесленников, студентов, в целом средних слоев Ла-Паса.²⁷³

Наряду с левыми группами и профсоюзами огромный политический вес в обществе приобрела армия. Хотя военные тяготились позором поражения, а высшее командование вполне обоснованно обвиняли в бездарном управлении войсками, вызвавшем огромные потери, новые власти заигрывали с армией. Устраивались банкеты в честь командования, прославлялся героизм военных. В январе 1936 г. А.Аргедас в своем дневнике писал: «Военные сначала были тихими, скромными, почти робкими... и вот, сначала президент Техада, потом Муниципалитет, затем различные общества стали организовывать празднества в их честь, и военные мало по малу расправили плечи, воспрянули духом. И сегодня они делают все, что хотят, командуют страной, присвоив себе все полномочия правительства; именно они правят, а президент превратился в игрушку в их руках»²⁷⁴.

Армейское командование сконцентрировало в своих руках больше управленческих функций нежели само правительство, которое было бессильно без поддержки военных. Военные получили исключительное право распределения нефтепродуктов. Телеграф, все коммуникации полностью контролировались военными властями. Верховное командование контролировало львиную часть бюджета: из 130 млн боливиано, за вычетом расходов на обслуживание долгов и средств, направляемых на возвращение пленных домой, армия рас-

---

²⁷² Ponce Garcia J., Stanley T., Cisneros A. Op.cit. P.28.

²⁷³ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936, 27 – 29 – 13, f.44

²⁷⁴ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.173.

поряжалась 40 млн боливиано, в то время как вся остальная гражданская администрация довольствовалась 30 млн.²⁷⁵

Даже цензура осуществлялась военными, в частности, полковником Д.Торо, установившим полный личный контроль над прессой²⁷⁶. Генеральный штаб самостоятельно, без консультаций с правительством, принимал решения о закрытии газет или конфискации тиража: так, 21 марта 1936 была закрыта либеральная газета «Ла Пренса», которая осмелилась опубликовать критическую статью против военных. Несмотря на фактическое окончание войны, Генштаб во главе с Д.Торо сопротивлялся планам Х.Л.Техады Сорсано по скорейшему восстановлению конституционной законности, отмены чрезвычайного положения и возобновления функционирования в полном объеме республиканских институтов власти. Военные возражали против снятия цензуры и либерализации въезда в страну. Генштаб жесткой рукой контролировал саму армию, подавляя всяческое проявление недовольства своим излишним участием в политике²⁷⁷.

За годы войны в офицерском составе армии произошли существенные изменения. К довоенным профессионалам, воспитанным на аполитичных принципах прусской доктрины, пропагандируемой миссией генерала Х.Кундта, возглавлявшего в 20-е годы боливийские вооруженные силы, добавились новые мобилизованные во время войны офицерские и сержантские кадры. В довоенной армии офицерский корпус формировался за счет выходцев из средних слоев. Военная служба была одной из форм социальной мобильности в обществе. Прошедшая мобилизацию, потери и пополнение офицерства за счет различных классов общества, армия предстала социально обновленным организмом. Большинство старых офицеров происходили из обедневших средних слоев. Они испытали во время войны горькое чувство разочарования в высшем командовании армии, были возмущены бездарным правлением олигархических политиков, приведших страну к национальной катастрофе. К ним добавились импровизированные офицеры, представители образованных слоев населения и масса сержантского состава из городских низов, мобилизованные в годы войны.

Среди офицерского состава были популярны националистические идеи. Понимание необходимости реформ проникало в среду офицеров, ориентировавшихся в большей степени на неформальных военных лидеров, известных своими реформистскими и националистическими взглядами, нежели на высшее командование. Вместе с тем, широкое распространение среди военных получили антидемократи-

---

²⁷⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 202–203.

²⁷⁶ FRUS. 1936, vol.V. Washington, 1954. P.221

²⁷⁷ В конце апреля 1936 г. в Ла-Пасе циркулировали слухи о заговоре в армии против командования и лично Д.Торо и Э.Пеньяранды — ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 202–203.

ческие, авторитарные идеи переустройства страны. Исчезла вера в способность гражданских политиков эффективно управлять страной. А.Аргедас в своем дневнике передал одну из бесед со своим другом военным, который говорил следующее: «Я более не верю в демократию, не доверяю выборам. Наш избиратель всегда подкупается и не может выражать интересы народа. Нужна новая политическая система, направленная на возрождение страны»²⁷⁸. Часто слышались призывы слиться со своим народом, дать ему возможность выбрать свою судьбу и т.п. Орудием народного волеизъявления они видели самих себя.

В июле — августе 1935 г. военные стали возвращаться из Чако в города, прежде всего в Ла-Пас. Военным казалось, и не без основания, что они лучше гражданских политиков понимали национальные интересы страны. Их контакт с индейцами, составлявшими основную солдатскую массу, раскрыл им глаза на ту пропасть, которая разделяла официальную политику и ту социальную реальность, которой жила страна. Среди офицерства, еще недавно консервативного института, распространились леворадикальные идеи. Любопытен, например, сюжет, рассказанный в своих мемуарах рабочим лидером В.Альваресом. Он был знаком с полковником Варгасом, который с началом военных действий в Чако с университетской скамьи был призван в армию. За годы войны в Чако дослужился до звания полковника, при этом сохранил свои убеждения студенческих лет и преданность марксизму. Встретившись с ним в 1936 г., В.Альварес с большим удивлением выслушал от него большую лекцию по марксистской политэкономии. В.Альварес отмечал, что многие офицеры до войны были студентами, часто с левым, марксистским прошлым²⁷⁹.

Зависимость командования армии от молодых офицеров и, главным образом, от их лидеров Э.Пеньяранды и Х.Буша объяснялась общей дискредитацией генералитета в глазах общества. Боязнь ответственности за бездарное ведение войны пронизывала всю верхушку армии, которая видела в неформальных лидерах офицерства, героях войны Х.Буше, Б. Бильбао Риохе и даже в Д.Торо единственных спасителей чести всего военного института в глазах общества. Это обстоятельство объясняет солидарное поведение высшего командования, генералитета в отношении молодых офицеров, а также его добровольное подчинение неформальным лидерам армии. Любопытно, что страх перед обществом был столь велик, что при возвращении генерала Э.Пеньяранды в Ла-Пас в октябре 1935 г. были предприняты беспрецедентные меры безопасности из-за открытой враждебности со стороны населения столицы.

---

²⁷⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.201.

²⁷⁹ Alvarez W. Op.cit. P. 91.

Военные создавали тайные организации, ложи, принимали активное участие в общественной дискуссии о будущем страны, явно солидаризируясь с левыми оппозиционными группами и партиями. Ещё во время войны, 2 мая 1934 г. в одном из лагерей военнопленных в Парагвае офицеры-патриоты создали тайную ложу РАДЕПА (*Razon de la Patria* – разум родины). Впоследствии в эту группу вошли многие молодые офицеры, ветераны войны. По оценкам самих руководителей ложи, число её членов достигало от 200 до 400 человек. Во главе ложи стояли молодые офицеры Э.Бельмонте и Г.Вильярроэль.²⁸⁰ Программа глубоко законспирированной ложи содержала требования защиты национальных интересов, борьбы за моральное и духовное освобождение страны, во многом повторяя сходные положения программ других политических организаций национал-реформистского типа, появившихся в это же время в Боливии.

У ложи были две отличительные черты, позволяющие говорить об уникальности этой организации. Во-первых, программа запрещала членам ложи не только входить в другие партии и группы, но и занимать посты, облеченные высшей государственной властью, то есть президента и министров. РАДЕПА изначально отказывалась от прямой борьбы за власть, предполагая лишь тайно содействовать своим союзникам в осуществлении поставленных целей²⁸¹. Второй особенностью РАДЕПА была её конспиративность, возведенная в абсолют. Если первый пункт программы — неучастие в высшем государственном управлении — им не удалось выполнить, и в разные годы радеписты входили во власть, а затем захватили её, хотя программа запрещала участие в переворотах, то вторая особенность ложи, её ультраконспиративность всё-таки, выдержала испытание временем. О её существовании стало известно лишь после свержения Г.Вильярроэля в 1946 г., когда достоянием гласности стали её тайные документы, найденные в президентском дворце. РАДЕПА и другие военные тайные организации вступали в контакт с левыми политическими группами, прежде всего, социалистами. К 1936 г. оформился союз военных-националистов и социалистов. Радеписты поддерживали социалистов, являясь их главными союзниками среди военных.

Самым известным человеком в стране был тридцатилетний подполковник Херман Буш. Он стяжал славу подлинного героя войны: именно на его счету было единственное успешное боливийское

---

²⁸⁰ Э.Бельмонте занимал ряд важных постов в правительстве Буша, стал знаменит после «раскрытия так называемого про-нацистского заговора Бельмонте», дела сфабрикованного в 1942 г. британской разведкой. Г.Вильярроэль был президентом Боливии в период с 1943 г. по 1946 г. Погиб во время народного восстания 1946 г., инспирированного олигархией. Был повешен на площади перед президентским дворцом в Ла-Пасе. Боливийцами почитается президентом-мучеником, предтечей национализма.

²⁸¹ Belmonte Pabón E. Op.cit. P.43.

контрнаступление у Камири в 1935 г. Народ прозвал его «Чакский тигр». Х.Буш родился в 1904 г. в семье немецкого иммигранта, женатого на боливийке. Он вырос на востоке страны в районе тропиков Амазонии. Его детство прошло в нищете. Сын немецкого врача и бедной местной жительницы с раннего возраста познал тяжелый физический труд. Отец отправил его с матерью в отдаленный поселок, где они зарабатывали на скудное пропитание сбором дров в лесу.

В 1927 г. после окончания военного колледжа поступил на службу в Генштаб, где в 1929 г. получил назначение вторым адъютантом президента. Во время переворота против Э.Силеса был поставлен руководить личной охраной президента. Х.Буш был последним, кто сложил оружие в борьбе с восстанием против Э.Силеса, за что попал в ссылку в Раборе, отдаленный гарнизон в тропиках.

С началом войны в Чако Х.Буш оказался в действующей армии. С июля 1933 г. командовал полком «Ланса», а с января 1934 г. был назначен начальником штаба первого корпуса армии. На фронте прославился своей отчаянной храбростью и решительностью. 15 августа 1935 г. он был назначен командующим кавалерийской бригады. У Камири использовал тактику партизанской войны, искусным маневрированием сумел остановить натиск противника, а затем перейти в контрнаступление.

Войска в Ла-Пасе и ветеранские организации фактически подчинялись одному человеку, Херману Бушу. Он превратился в человека-легенду, чьи подвиги на фронте хотя и не смогли уберечь страну от поражения из-за бездарности высшего военного командования, но спасли от оккупации и возможного отторжения исконные боливийские земли в районе Санта-Круса. Х.Буш был очень популярной фигурой. Его очарованию поддавались многие политики, в том числе и Х.Л.Техад Сорсано, искренне верившие в него, в его честность, прямоту и непосредственность. Правда, впоследствии тот же Х.Л.Техад Сорсано с горечью признал: «Это величайший из известных мне артистов... то, как Буш поступил со мной — постыдно и грязно»²⁸².

Х.Буш был искренним и пылким патриотом. Поражение в войне он воспринял как личную трагедию. Его резкий и непреклонный характер более всего импонировал офицерской массе, ветеранам, да и большинству боливийцев, уставшим от бесконечного политиканства гражданских деятелей в правительстве. Вместе с тем, Х.Буш был слишком молод и политически наивен. Он сознавал это сам и не претендовал на самостоятельную роль в большой политике.

Самым опытным, политически искушенным человеком в армии был Давид Торо, возглавлявший Генеральный штаб. 37-милетний Д.Торо принадлежал к привилегированным классам Чукисаки. Свою военную карьеру он начал как адъютант президента Гутьерреса Гер-

---

²⁸² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 250.

ра (1918–1920). В 1920 г., находясь в Оруро, где Э.Силес организовывал поддержку республиканского переворота Б.Сааведры, выступил на стороне «революционеров». Тогда же произошло его знакомство с земляком Э.Силесом. После избрания Э.Силеса президентом Боливии в 1926 г. Д.Торо становится его правой рукой в военных вопросах. Ему поручалось решать важные и сложные вопросы. В 1927 г. Д.Торо провел акцию по ликвидации сааведристской «республиканской гвардии», вместо которой был образован полк регулярной армии «Ингави». Э.Силес доверял Д.Торо и через него старался контролировать армию.

В критический для Э.Силеса 1930 год Д.Торо поддержал его планы продлить свои полномочия, пытаясь превратить армию в оплот диктатуры. В июне 1930 г., когда пало правительство Э.Силеса, Д.Торо возглавлял кабинет и пытался силой подавить восстание против диктатуры. Д.Торо, которого не любили в столице за его чуки-сакское происхождение (также как и Э.Силеса), не мог рассчитывать на поддержку населения, а потому сделал ставку на военную силу, в частности, на свой полк «Ингави». Лишь после перехода всей армии на сторону восстания Д.Торо сдался. Его дом в Ла-Пасе был разгромлен толпой, а сам он отправился в ссылку. Лишь с началом войны в Чако Д.Торо смог вернуться в действующую армию, где сразу же занял ведущее положение в Генштабе. Он был одним из инициаторов и главным действующим лицом в свержении Д.Саламанки. Однако репутация Д.Торо была не так безупречна, как у Х.Буша. Д.Торо нес значительную долю ответственности за поражение в войне, к тому же он был близким другом потерпевшего полное фиаско генерала Х.Кундта.

Д.Торо и Х.Буш прекрасно дополняли друг друга. В этом союзе роль первой скрипки исполнял Д.Торо. Однако было ясно, что главным его козырем оставался младший сподвижник Х.Буш и шедшие за ним армейские и ветеранские массы. Д.Торо был самым опытным политиком среди военных, но при этом за ним не было собственно боевой славы, как у Х.Буша или Б.Бильбао Риохи. С первым у Д.Торо складывались хорошие отношения и взаимопонимание, в основном благодаря отсутствию у молодого Х.Буша далеко идущих политических амбиций. Другое дело — политически активный Б.Бильбао Риоха, герой войны и лидер ветеранов. В октябре 1935 г. Д.Торо удалось отправить Б.Бильбао Риоху с миссией в Лондон, а затем он сделал всё для того, чтобы этот визит затянулся на неопределённое время.

Д.Торо и Х.Буш прекрасно понимали необходимость координации действий армии с социалистами и рабочим движением. При всей своей могущественности и кажущемся всевластии военные не могли рассчитывать на поддержку населения, если бы их претензии на власть не подкреплялись программой радикальных полити-

ческих преобразований. Союз с социалистами и рабочим движением превращал военных в партию революционных преобразований в обществе. Только при такой конфигурации военные могли опереться на поддержку широких народных масс.

Офицерство ориентировалось на ветеранские организации, на своих неформальных лидеров, «героев» войны в Чако. В сентябре 1935 г. был создан Легион ветеранов (ЛЕК). Легион объединил в своих рядах практически всех демобилизованных солдат и офицеров. Действующие офицеры также входили в эту организацию. Первоначально ЛЕК планировался как объединение по социальной защите военнослужащих и ветеранов, но очень быстро превратился во влиятельную политическую организацию. В руководстве ЛЕК преобладали националистически настроенные люди, близкие к социалистам. Фактически ЛЕК превращался в массовую опору социалистов, которые все ещё были хоть и влиятельной, но малочисленной группой.

В январе 1936 г. руководство ЛЕК было полностью обновлено, были приняты новый устав и декларация принципов, содержание которых свидетельствовало о преобладающем влиянии социалистов. В этих документах ЛЕК определил себя как «профсоюзный институт с социалистической идеологией»²⁸³. Легион возглавили фронтовые герои Б.Бильбао Риоха и Х.Буш. Союз военных и социалистов, воплощением которого был ЛЕК, представлял собой решающую политическую силу в стране. Судьба правительства Х.Л.Техады Сорсано зависела от той линии, какую выберет этот альянс.

Правительство Х.Л.Техады Сорсано пыталось нейтрализовать активность ветеранских организаций и левых политических групп. В апреле 1936 г. президент предложил Б.Сааведре и Э.Бальдивесо сформировать правительство национального согласия. Однако ни тот, ни другой не собирались поддерживать своим авторитетом Х.Л.Техаду Сорсано, а планировали получение всей полноты власти. Правительство оказалось в безвыходном положении. Натолкнувшись на отказ, президент предложил военным войти в кабинет министров или даже создать чисто военное переходное правительство, чтобы гарантировать проведение выборов. Однако военные отвергли эти предложения под давлением ЛЕК и социалистов.²⁸⁴ Х.Л.Техада Сорсано стремился спасти существующую систему, обеспечить законность перехода власти к новому президенту. Своим запоздалым ходом он хотел упредить формирование опасного для существующей власти блока военных, социалистов и рабочего движения.

---

²⁸³ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.77.

²⁸⁴ Gallego Margaleff, F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4, 1988. S.476.

Ухудшающееся положение трудящихся вследствие постоянного роста цен²⁸⁵ вело к радикализации рабочего движения. В марте 1936 г. в Ла-Пасе прошла всеобщая забастовка, грозившая перерасти в рабочее восстание. Забастовка проходила по инициативе и под руководством профсоюза печатников во главе с В.Альваресом. Рабочие действовали в высшей степени организовано и дисциплинировано. Ла-Пас фактически перешел в руки забастовщиков, организовавших собственную полицию для поддержания порядка. Бессильное перед размахом движения правительство потребовало от военных навести порядок в столице. В ответ на обращение президента военные в резкой форме отказались применить силу против рабочих. Союз политической оппозиции, рабочего движения и армии состоялся именно во время забастовки марта 1936 г. Несмотря на уступки правительства, профсоюзы лишь на время прекратили забастовку.

Ещё в конце 1935 г. — начале 1936 г. рабочие лидеры напрямую установили контакт с реформистскими лидерами военных. Когда военные арестовали Х.Агирре Гайнсборга, Вальдо Альварес попросил встречи с начальником Генштаба полковником Д.Торо. Во время беседы с профсоюзным руководителем Д.Торо высказывался в поддержку новых левых партий и групп, заявив о солидарности с целями профсоюзного движения. Более того, он откровенно стал говорить о планах замены существовавшего «демолиберализма» новой общественно-политической системой, основанной на идеалах национального обновления и социальной справедливости. Как признавался в своих воспоминаниях В.Альварес, эта встреча положила начало дружеским отношениям с Д.Торо и более тесным связям с военными²⁸⁶.

В середине апреля профсоюзы предъявили президенту страны список требований из 19 пунктов, в частности, речь шла о повышении зарплаты, снижении цен на предметы первой необходимости, амнистии, отмене закона о забастовках, гарантиях основных демократических свобод, об экспроприации имущества, полученного в результате спекуляций во время войны. Для изучения требований профсоюзов была создана правительственная комиссия.²⁸⁷ Однако переговоры с профсоюзами закончились полным провалом. Х.Л.Техада Сорсано безуспешно пытался оказать давление на предпринимателей, уговаривая их пойти на уступки рабочим. В начале мая были даже созданы Комитеты по борьбе со спекуляци-

---

²⁸⁵ Инфляция в среднем составляла 50% в год, что по представлениям и масштабам тех лет равносильно современной гиперинфляции. Следует учитывать также, что в предыдущие непростые, кризисные и военные годы, в период с 1932–1935 гг. рост стоимости жизни составил около 17% — см. CEPAL.Desarrollo económico de Bolivia. México, 1958. P.58–62.

²⁸⁶ Alvarez España W. Op.cit. P. 82.

²⁸⁷ Lorini I. Op.cit. P.123.

ей²⁸⁸. Эти меры вызвали лишь раздражение консервативных кругов, недовольных неспособностью власти подавить выступления рабочих и поддерживавших их социалистов. Правительство оказалось между молотом и наковальней: теряя поддержку консервативных, проолигархических кругов, оно испытывало сильное давление со стороны левых партий и рабочего движения.

К маю 1936 г. обстановка в стране накалилась настолько, что без решительного вмешательства военных в пользу одной из противостоящих сторон мог наступить политический хаос. С марта по май 1936 г. по всей стране не прекращались забастовки рабочих, поддержанных практически всеми слоями общества. Жизнь городов, особенно Ла-Паса, была практически парализована. Правительство, оставленное армией на произвол судьбы, не могло контролировать ситуацию за пределами президентского дворца.

Наибольшее беспокойство вызывали подготовительные мероприятия профсоюзов к проведению всеобщей политической стачки, которую они рассматривали как преддверие свержения правительства. 23 апреля 1936 г. состоялось объединение двух рабочих федераций Ла-Паса, ФОТ и ФОЛ, в которые к этому моменту входили около 34 местных и региональных профорганизаций. Тогда же было решено провести всеобщую забастовку 4 мая. Власти сразу же арестовали 20 человек из руководства профсоюзов, но вскоре были вынуждены их освободить. Правительству удалось добиться только отсрочки выступления рабочих столицы.

Подготовка всеобщей забастовки в совокупности с отказом армии поддержать правительство свидетельствовали о серьезном политическом кризисе. Приближались выборы 31 мая. В соответствии с решением конгресса от 4 августа 1935 г. одновременно должны были состояться выборы президента и в учредительное собрание. Реальными противостоящими силами на них могли стать кандидатуры от правящего блока во главе с либералами, с одной стороны, и от союза республиканцев-социалистов и Социалистической партии, с другой. У социалистической оппозиции было мало шансов победить на выборах, так как избирательный механизм полностью контролировался традиционными партиями, по-прежнему сильными в провинции. Военные и их союзники понимали, что далее медлить с выступлением нельзя. Забастовка рабочих ускорила развязку.

А.Аргедас, обеспокоенный неизбежностью военного переворота, написал в январе 1936 г. письмо Х.Л.Техадэ Сорсано, в котором предупреждал, что единственной альтернативой «милитаризму»

---

²⁸⁸ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.87.

может быть лишь объединение всех партий в единый блок²⁸⁹. Однако вражда между их лидерами Сааведрой, Элио и Канеласом делала практически невозможным осуществление этого плана. В ответном письме Техада Сорсано откровенно признавался, что его правительство не сможет управлять страной без участия армии, прежде всего по причине того, что «традиционные политические партии дезорганизованы, погрязли в снобизме» и вряд ли представляют собой реальную альтернативу политического развития. Именно поэтому президент хотел довести страну до честных выборов, не подвергая страну опасностям военной диктатуры. Что же касается новых партий, и в первую очередь социалистов, то Техада Сорсано справедливо подчеркивал, что они сами понимают свою слабость и ищут лишь небескорыстного союза с военными для захвата власти²⁹⁰.

Президент лихорадочно искал способа заинтересовать все политические силы в сохранении конституционной законности, привлечь их к избирательному процессу, что было мало привлекательно пока для ещё малочисленной и молодой Социалистической партии. Х.Л. Техада Сорсано предложил всем участникам избирательного процесса создать Совет по контролю за выборами, которая обеспечила бы свободу волеизъявления. Возглавить Совет предложили Б.Сааведре, как лидеру самой многочисленной партии, участие которой в выборах было крайне необходимым. Сааведра сначала заинтересовался этой идеей, но затем повел себя индифферентно. Так, в частной беседе с А.Аргедасом, который от имени правительства вел эти переговоры, он заявил, что сегодня в Боливии ничто нельзя предпринять без участия военных.²⁹¹ Не в интересах Сааведры было проведение честных выборов, так как он участвовал в заговоре против правительства.

Перед лицом нараставшей напряженности в обществе и давления со стороны армии лидер либералов Т.М.Элио, пойдя на конфликт с президентом, в интервью газете «Эль Диарио» 3 мая 1936 г. заявил: «Нет смысла участвовать в этих выборах, так как армия вряд ли станет уважать их результаты и наверняка вмешается в ход политической жизни и установит новый режим».²⁹² Х.Л.Техаду Сорсано покинула даже собственная партия. К этому следует добавить полное равнодушие к судьбе правительства со стороны «баронов олова», недовольных политикой обязательной передачи части валютной выручки по заниженному курсу. С конца апреля буквально со дня на день ждали прямого вмешательства армии.

---

²⁸⁹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.183.

²⁹⁰ ALP. Miscelania. Gavetas. No.32.

²⁹¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.203–205.

²⁹² El Diario. 03.05.1936.

Президенту ничего не оставалось, как только увещевать военных призывами выполнить свой гражданский и профессиональный долг и уважать конституцию²⁹³.

Вопрос о подготовке переворота, а также об участии в нем каждой из сторон «революционного» альянса по-разному освещается и оценивается в историографии. Ведущий специалист по этому периоду боливийской истории Г.Клейн утверждал, что заговор с целью свержения президента Х.Л.Техады Сорсано участвовали сааведристы, социалисты и Х.Буш, при этом он исключал связь Д.Торо в подготовке переворота²⁹⁴. Между тем, некоторые новые документы свидетельствуют об обратном.

На самом деле именно Д.Торо направлял действия всего заговора. Он был ключевой фигурой в вооруженных силах и состоял в тесном контакте с социалистами. Уже с 1934 г. Д.Торо вновь сблизился со своими бывшими соратниками периода правления Э.Силеса К.Монтенегро и Э.Бальдивьесо, активно пропагандировавшими идеи «социалистического» переустройства страны, национализации нефти, установления функциональной демократии вместо представительной системы власти и т.д. Американский дипломатический представитель в Боливии в своих отчетах, посылаемых в Вашингтон, утверждал, что Д.Торо не только связан с левыми, но и возглавляет целое движение молодых социалистов в армейском командовании²⁹⁵.

В марте 1936 г. Д.Торо вступил в конкретные переговоры с левыми организациями о формировании «революционной» коалиции для насильственного свержения Л.Х.Техады Сорсано и недопущения победы на выборах традиционных политических партий. Тогда же Социалистическая партия неожиданно выступила с заявлением, что не заинтересована в победе на выборах, и что единственный путь политического спасения страны состоит в революции.²⁹⁶

В марте 1936 г. Д.Торо встретился с представителем левых, корреспондентом Коминтерна, который послал большой и подробный отчет об этом контакте в Москву. Д.Торо заявил этому деятелю, что «обычный переворот лишь создаст правительство, опирающееся на штыки, а нам необходимо крепкое, сильное правительство, поддерживаемое народной партией, и Социалистическая конфедерация может быть такой партией»²⁹⁷. Д. Торо считал, что необходимо подождать с переворотом, который виделся ему

---

²⁹³ La Razón. 05.05.1936

²⁹⁴ Klein, H S. David Toro and the Establishment of "Military Socialist" in Bolivia // H.A.H.R. 1972. vol.14, No.1. P.167.

²⁹⁵ FRUS, 1936. P.221.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф.495. оп.122. д.122. л.12.

²⁹⁷ Там же.

как «военно-гражданская революция». Именно тогда из уст Д.Торо прозвучала формула: «государственный социализм». Он заявил: «Боливия будет социалистической или превратится в ничто». По его словам, «государственный социализм» – это лишь первый этап революционных преобразований.²⁹⁸

К марту 1936 г. уже сложился конспиративный союз военных, возглавляемых Д.Торо, и социалистов Э.Бальдивесо. ПОР, а точнее Левый социалистический блок, предложила Д.Торо сотрудничество в завоевании власти. Учитывая прочные позиции и влияние Х.Агирре Гайнсборга и Т.Марофа в рабочем движении, с чем не могли не считаться участники политической борьбы, Д.Торо и Э.Бальдивесо приняли протянутую им руку союза. Т.Мароф предложил сформировать триумvirат: военные в лице Д.Торо, социалисты и Левый социалистический блок. Условием ПОР было выполнение политических требований: амнистия, национализация рудников, нефти, банков, раздел латифундий. Главным спорным пунктом была немедленная национализация рудников. Д.Торо и Э.Бальдивесо считали, что нельзя проводить национализацию оловодобывающей промышленности, не обеспечив стране рынка сбыта, альтернативного США и Англии, каковым, по их мнению, мог стать Советский Союз. Было решено вернуться к предложениям 1929 г., исходившим от советского Южамторга, по закупкам боливийского олова. Для проработки вопроса переориентации рынка олова на СССР предполагалось послать в Москву Т.Марофа и Ивана Кесвара (А.Валенсия Вега), находившихся в то время в Аргентине, а также представителей социалистов. В случае положительного решения в Москве, по их рассуждениям и планам, можно было сразу же с приходом к власти национализировать добывающую промышленность, не боясь санкций со стороны Международного комитета олова, который контролировался С.Патиньо.²⁹⁹

Т.Мароф и И.Кесвар тогда же, в марте, связались с представителем Коминтерна в Аргентине, лидером местной компартии Орестесом Гиольди. В Москву в Коминтерн на имя Ван Мина была отправлена соответствующая записка, в которой излагалась просьба Т.Марофа и И.Кесвара о поездке в Москву для установления контакта с советским руководством. Целью поездки объявлялось желание создать компартию в Боливии. Т.Мароф заявлял о своем согласии публично отмежеваться от троцкизма.³⁰⁰

История с московскими контактами не имела своего продолжения в силу ряда причин. Во-первых, при существовавшей тогда связи и уровне информации о положении в Боливии, в Москве в

---

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же. л.13.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф.495. оп. 20. д.353. л.3.

принципе не могли оперативно решать подобные проблемы. Кроме того, О.Гиольди числился в «интеллигентах» и не пользовался полным доверием советского руководства. За Марофом в Москве уже закрепилась репутация очень ненадежного человека, его даже считали провокатором. Для решения столь серьезного вопроса было слишком много неясного и противоречивого. Во-вторых, быстро меняющаяся обстановка в самой Боливии вскоре сделала этот вопрос просто неактуальным. Эта история так и осталась курьезом, не имевшим политических последствий. Для нас же этот сюжет интересен в виду того, что свидетельствует о широком политическом спектре «революционного» альянса и о масштабах переговорного процесса, который вели военные. Очевидно и активное участие Д.Торо в заговоре военных и социалистов.

На май пришлось крайнее обострение политической обстановки. 9 мая 1936 г. в Ла-Пасе началась забастовка типографских рабочих, шедших в авангарде профсоюзного движения. Требования печатников сводились к повышению зарплаты, но вскоре забастовка переросла в политическую. С 10 мая к забастовке присоединились профсоюзы, входившие в ФОТ и ФОЛ. Забастовка стала всеобщей: не работал транспорт, пикеты комитета шоферов препятствовали любому движению на улицах города. В своем дневнике А.Аргедас так описывал положение в городе: «Забастовка повсюду. Все магазины закрыты, улицы пусты. Нет машин, никто не осмеливается вывести свой автомобиль на улицу, боясь, что его разобьет толпа»³⁰¹. Все рынки, магазины, владельцы которых поддерживали анархистскую ФОЛ, закрыли свои двери. Банки бездействовали. Все предприятия города прекратили работу, поддерживая требования печатников. Не выходили газеты, что весьма печально для историка, потерявшего важный источник информации о таких важных и насыщенных событиями днях. Несмотря на осадное положение и запрет манифестаций, начались уличные демонстрации протеста.

Правительство пыталось показать свою твердость в борьбе с профсоюзами. 12 мая президент Х.Л.Техада Сорсано созвал в президентском дворце «собрание нотаблей», куда пригласил около 50 человек, представителей различных политических и социальных групп столицы. Президент выступил перед ними, нарисовав печальную картину финансового краха и политического тупика. Единственный выход, с точки зрения Техады Сорсано — это проведение всеобщих выборов без бойкота партий и давления со стороны правительства или военных. Кроме того, он подчеркнул свою полную уверенность в лояльности армии и лично Буша³⁰². Х.Л.Те-

---

³⁰¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.228.

³⁰² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.228–229.

хада Сорсано произносил эти слова вполне искренне, поскольку еще 7 мая он получил от Буша письмо, в котором тот дал честное слово офицера, что ни одно подразделение не собирается восставать³⁰³. В тот же день, 12 мая, пока президент общался с политической элитой, рабочие лидеры во главе с В.Альваресом встретились с Х.Бушем, который заверил пришедших к нему профсоюзных руководителей в том, что армия не станет применять силу против движения, носившего чисто экономический характер. Более того, он заявил о своей солидарности с борьбой забастовщиков, проявил открытость и радушие, обняв в знак единства на прощание рабочих лидеров³⁰⁴.

15 мая состоялась ассамблея Рабочей федерации (ФОТ), на которой было принято решение о проведении всеобщей забастовки. ФОТ аргументировала свои требования повышения зарплаты ростом стоимости жизни, а также тем, что еще в январе правительство повысило жалование государственным служащим, в то время как на частных предприятиях оплата труда не увеличилась. Перед лицом солидарного выступления рабочего класса столицы Х.Л.Техада Сорсано пытался маневрировать, обещая изучить данный вопрос, на что, по его мнению, требовалось время, но ему не удалось убедить профсоюзы подождать с забастовкой.

Уже 15 мая вся жизнь города была парализована. На следующий день к рабочим присоединились студенты. Студенческая федерация полностью поддержала требования ФОТ. Студенты вышли на улицы, провоцируя столкновения с полицией и сторонниками правительства. В ходе забастовки встал вопрос об управляемости страны и о неспособности власти обеспечить элементарный порядок в столице. С 12 мая забастовочный комитет решил организовать «профсоюзную полицию»: общественный порядок в Ла-Пасе поддерживали рабочие дружинники. Х.Л.Техада Сорсано решил воздействовать на забастовку рукой военного принуждения.³⁰⁵ Однако для подавления выступлений рабочих и студентов была необходима сила, которой у правительства не было. Одним из последних заявлений Х.Л.Техады Сорсано накануне переворота было следующее: «Армия не должна принимать чью-либо сторону, иначе она перестанет выполнять свою священную миссию и потеряет уважение общества»³⁰⁶. Увещевания президента не нашли отклика у военных. Надежды властей на армию оказались тщетными.

---

³⁰³ Письмо Х.Буша — Х.Л.Техада Сорсано от 7 мая 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.143 (PG7542).

³⁰⁴ Alvarez W. Op.cit. P.88.

³⁰⁵ FRUS. 1936. P.230.

³⁰⁶ Díaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936 – 1940. La Paz, 1957. P.23.

После нескольких дней бездействия 16 мая Х.Л.Техада Сорсано издал декрет о введении военного положения в государственных учреждениях и службах, объявил о мобилизации всех служащих. Президент обратился в Генштаб, к подполковнику Х.Бушу с просьбой восстановить общественный порядок силой армии. В ответ по приказу Х. Буша в три часа ночи два офицера прибыли к дому Х.Л.Техады Сорсано, объявили ему, что он арестован, потребовали подписать заявление об отставке и передаче власти революционной хунте.³⁰⁷

Смена власти прошла мирно, не было пролито ни капли крови. Переворот произошел в отсутствие в столице двух влиятельнейших представителей армейского командования. Д.Торо и Э.Пеньяранда оставались в Вилья Монтесе, где их и застала весть о переменах в Ла-Пасе. И хотя Д.Торо и заявлял впоследствии, что он был в полном неведении о подготовке переворота и даже был готов выступить в защиту законной власти, приведенные выше документы свидетельствуют о его прямом участии в заговоре. Кроме того, идеологическая окраска переворота, проявившаяся уже в первых политических шагах и заявлениях Х.Буша, полностью согласовывалась с теми высказываниями о «государственном социализме», которые звучали из уст Д.Торо ещё до переворота в его беседах с представителями коммунистов.³⁰⁸

17 мая 1936 г., говоря о целях и задачах нового правительства, Х.Буш заявил, что речь идет о создании принципиально нового общественного и политического строя в стране. Было объявлено об установлении режима «государственного социализма». Х.Буш заявлял: «Мы ориентируем нацию на государственный социализм, умеренный и постепенный. Мы отвергаем восстания и заговоры. Наша цель — установить в Боливии режим социальной справедливости»³⁰⁹. Народ в Боливии окрестил этот режим «военным социализмом», ибо идея его была ясна: боливийский социализм будет предложен не обществом, а самим государством, то есть в данном случае военным правительством.

Военные использовали реваншистские и шовинистические лозунги, призывавшие к контрнаступлению в Чако, что отвечало настроениям широких масс. Авторы переворота эксплуатировали

---

³⁰⁷ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina. P.88–89.

³⁰⁸ Г.Клейн утверждал, что именно Х.Буш, импровизируя, дал название новому режиму – «государственный социализм», что вступает в противоречие с данными архива Коминтерна, согласно которым этот термин использовался Д.Торо уже в марте 1936 г. Кроме того очевидна идейная связь боливийских военных с чилийской Социалистической республикой 1932 г.

³⁰⁹ Цит. по Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1749.

патриотические настроения для консолидации всех националистических сил, в том числе в армии. Они объясняли своё выступление, в частности, стремлением добиться перелома на фронте и возобновления реваншистской войны, возлагая ответственность за поражения на фронте на гражданские правительства. Государственное радио «Ильмани» бесконечно передавало патриотические марши, призывы защитить Чако и выбросить оттуда парагвайцев, в адрес которых сыпалась площадная брань на аймара, опустившись до самых примитивных приемов шовинистической пропаганды³¹⁰. Создавалось впечатление, что страна вернулась в 1932 г., в канун катастрофической войны в Чако.

Наибольшую активность в день переворота развили члены Социалистической конфедерации. Отставка президента послужила сигналом к действиям гражданских «революционеров». Возглавляемая К.Монтенегро группа социалистов захватила и разгромила «Клуб союза», членами которого были виднейшие олигархи, в том числе и «бароны олова». Над клубом был вывешен красный флаг и установлена вывеска: «Революционный комитет». Разгром революционерами этого символа олигархии при одобрительном и даже поощрительном отношении к этому эксцессу со стороны военных лидеров переворота, поверг в ужас высшие классы общества. Традиционную элиту охватили панические настроения.³¹¹ Многим казалось, что ничто не способно спасти положение. Решительность «революционеров» создала серьезные предпосылки для нейтрализации олигархических сил на этапе становления нового режима.

Переворот произошел на фоне всеобщей забастовки в Ла-Паса и при активной поддержке со стороны рабочего класса столицы. В утро переворота площадь перед президентским дворцом наполнилась вооруженными отрядами рабочих³¹². Это было новым элементом в расстановке сил. Рабочие отряды поддерживали армию. Их сила была столь значительна, что рабочий вопрос стал объектом первоочередного внимания военных. Х.Буш старался подчеркнуть союзнические отношения военных-социалистов и рабочего движения. В день переворота уже в 10 утра он по просьбе рабочих прибыл на профсоюзную ассамблею, собравшуюся в Муниципальном театре Ла-Паса. В своем кратком выступлении он пообещал профсоюзам гарантировать участие их представителей в новом правительстве.³¹³ На собрании Х.Буш заявил: «Я полностью согласен с целями забастовки, с позицией трудящихся. Я знаю обо всех страданиях, через которые проходят печатники, шоферы, железнодоро-

³¹⁰ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.231.

³¹¹ Frontaura Argondoña M. Op.cit. P.79.

³¹² ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.230.

³¹³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27 – 29 – 13. f.45.

рожники, все рабочие, и... мое правительство обязательно выполнит все их требования»³¹⁴. Действия военных и социалистов были поддержаны рабочими столицы, хотя забастовка печатников продолжалась, и её участники не довольствовались сменой власти. В новой ситуации профсоюзы были уверены в победе, в достижении соглашения с хозяевами.

На следующий день после переворота рабочие лидеры перешли к более решительным действиям. Заявляя о своей поддержке военных, профсоюзы вывели рабочих на улицы. 18 мая прошли мощные рабочие манифестации, показавшие свою силу не только предпринимателям, с которыми всё ещё не было заключено соглашение по требованиям забастовщиков, но и самим военным, которые сдержанно относились к своим союзникам слева, к рабочему движению. Во время утренней манифестации рабочие вошли и захватили здание муниципалитета Ла-Паса, водрузив на нем красное знамя. Мэрия города была объявлена «Народным домом», был принят акт о создании «Функционального совета коммуны Ла-Паса», тем самым профсоюзные лидеры делали прямой намек на Парижскую коммуну.

Захват муниципалитета профсоюзами должен был свидетельствовать о падении не только правительства Х.Л.Техады Сорсано, но и всего старого республиканского строя с его демократическими институтами власти. Новый политический режим не предполагал возвращения в будущем к предшествовавшему конституционному строю, поэтому захват муниципалитета столицы рабочими вызвал одобрение военных, рассчитывавших сделать профсоюзы одной из составляющих «государственного социализма». События в столице дали толчок к захвату левыми власти на местах. В Потоси фактическими хозяевами города стали прокоммунистический Народный фронт и Легион ветеранов, который также возглавляли марксисты А.Арратия и А.Вильяльпандо³¹⁵.

В новом «Народном доме» в полном соответствии с анархосиндикалистскими традициями была созвана «Генеральная ассамблея трудящихся», на которой было решено поддержать новую власть. 19 мая ассамблея выдвинула своего представителя в правительство. Им стал лидер печатников Вальдо Альварес Эспанья³¹⁶. Впервые за всю историю Боливии представитель профсоюзов получил министерский портфель в правительстве. В тот же день секретарь Хунты и представитель ФОТ обратились по радио к забастовщикам, призывая их вернуться на работу при условии повыше-

---

³¹⁴ Alvarez W. Op.cit. P.92.

³¹⁵ Письмо ЛЕК – Д.Торо от 16 марта 1937 г. – ANB. PG. 1937. C.13. T.152. (PG7211).

³¹⁶ Alvarez W. Op.cit. P.94–95.

ния зарплаты и вхождения в правительство В.Альвареса³¹⁷. 19 мая забастовка в соответствии с соглашением между ФОТ и Хунтой прекратилась. Зарплата была повышена вдвое. По городу разъезжали на машинах, трамваях группы рабочих, провозглашавших здравицы в честь военных, выкрикивая: «Да здравствует революция! Да здравствует победа!»³¹⁸. Среди рабочих царила атмосфера триумфа и начала новой эпохи.

Вслед за заявлениями о принципах, которые будут положены в основу деятельности будущего правительства, Х.Буш сформировал Хунту, или Революционный комитет. По его составу был сделан вывод и об участниках заговора против Х.Л.Техада Сорсано. Переворот произошел при взаимодействии Генерального штаба, Д.Торо, сааведристов и социалистов, тесно связанных с ветеранами, и рабочими организациями.

Интрига Б.Сааведры состояла в использовании военных для прихода к власти его политической группировки. Как признавался впоследствии Сааведра, заговор готовился за два месяца до майских событий, а выступление планировалось на июнь. В новое правительство по договоренности с Сааведрой должны были войти военные, не являвшиеся ставленниками Торо³¹⁹. Однако Буш все переиграл, увидев реальную расстановку сил на фоне принявшей всеобщий характер забастовки и явного преобладающего влияния социалистов. В этих обстоятельствах сааведристам отводилась второстепенная роль. От республиканцев-социалистов в Хунту вошли лидеры левого крыла партии Педро Сильвети Арсе в качестве министра по общественным работам и Габриэль Госалвес, занявший ключевой пост министра обороны. Социалисты получили ответственные портфели министра финансов – Фернандо Камперо Альварес и министра иностранных дел – Энрике Бальдивьесо. Однако сразу же был определен временный характер этого состава Хунты. Х.Буш был намерен передать власть Д.Торо, который по возвращению из Чако мог бы приступить к формированию нового правительства.

В рамках «революционного» союза политических сил, вошедших в Хунту в результате переворота, шла жесткая конкурентная борьба за влияние на военных, а именно на Х.Буша. В первые же дни обозначились расхождения среди союзников в определении курса нового правительства. Нарушителями спокойствия были сааведристы, старавшиеся столкнуть между собой Д.Торо и Х.Буша. Д.Торо не находил общий язык с Б.Сааведрой не только ввиду тяжелого груза взаимных обид, корни которых уходили во времена

---

³¹⁷ FRUS. 1936. P.225.

³¹⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.253–254.

³¹⁹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.235.

президентства Э.Силеса, но и из-за реальных опасений лидера республиканцев-социалистов быть отодвинутым на второстепенные позиции в будущем правительстве³²⁰. Д.Торо был достаточно самостоятельным и опытным политиком, чтобы согласиться довольствоваться ролью проводника линии, за которой стоял бы Б.Сааведра. Последнего вполне устроила бы кандидатура Х.Буша, молодого и крайне неопытного в политике военного лидера. Х.Буш же осознавал свои недостатки и сам не решался воспользоваться той реальной властью, которой он обладал. Кроме того, совершенно очевидно, что он выполнял договоренности, достигнутые до переворота и всецело поддерживал Д.Торо.

Б.Сааведра противился призыву Д.Торо к управлению страной, уговаривая и настраивая Х.Буша против него. Социалисты опасались развала всей коалиции и создания чисто военного правительства. Они старались примирить стороны, при этом всегда подчеркивая свою верность союзу с военными. Лидер социалистов Э.Бальдивьесо даже съездил в Оруро, где находился Д.Торо, чтобы предупредить того о крайней непопулярности его фигуры в Ла-Пасе. Используя этот реальный факт, Э.Бальдивьесо хотел предостеречь Д.Торо от каких-либо враждебных действий против его гражданских союзников, намекая, что за ними стоят народные массы столицы.³²¹ Тем временем сааведристы организовали манифестации, главным образом студентов и рабочих, ещё помнящих о репрессиях 1930 г., в которых был повинен тогдашний министр внутренних дел Д.Торо.³²² Выступление студенчества обернулось протестом против всякого вмешательства армии в политику, но на фоне почти поголовного одобрения в обществе действий военных оно осталось изолированным фактом, который умело использовали традиционные олигархические группы для формирования либеральной оппозиции военному режиму.

19 мая 1936 г. было объявлено о роспуске Хунты. Это было сделано Х.Бушем ввиду разногласий в «революционном комитете», и главным образом для того, чтобы предоставить Д.Торо на большую свободу в формировании нового кабинета министров, новой Хунты. 20 мая 1936 г. Д.Торо прибыл в Ла-Пас. Олигархическая оппозиция в лице К.В.Арамайо, поддерживавшего с Д.Торо довольно близкие отношения, предложила новому президенту свою полную поддержку и финансы при условии, что Сааведра и социалисты будут выведены из Хунты³²³. Однако, как бы этого ни

³²⁰ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.94–95.

³²¹ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937)// Ibero-Amerikanisches Archiv. vol.14. No.4. 1988. S.482

³²² FRUS. 1936. P.225–227.

³²³ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.7. P.236.

хотелось и самому Д.Торо, он слишком зависел от «революционного альянса» и Х.Буша, которые не приняли бы такой рокировки.

Прежде чем занять пост президента, Д.Торо потребовал от армейского командования заявления, подписанного не только командующим генералом Э.Пеньярандой, но и всеми высшими офицерами, о безусловной поддержке вооруженными силами всех действий его будущей администрации.³²⁴ Именно армия была основой удержания власти «социалистическим» правительством. Новый состав Хунты, сформированный Д.Торо, практически повторял Революционный комитет, пришедший к власти 17 мая. Однако было заметно усиление социалистов и военных-сторонников Д.Торо в ущерб сааведристам. Эта тенденция стала очевидной уже в первых заявлениях правительства.

23 мая 1936 г. во время инаугурации нового кабинета Д.Торо заявил, что страна нуждается в обновлении и утверждении новых принципов функционирования экономики и управления обществом. По его словам, предстояло провести в жизнь реформы, которые позволили бы сориентировать экономику на «чисто социалистические стандарты». Поясняя заявление Д.Торо, назначенный на пост министра иностранных дел лидер социалистов Э.Бальдивьесо утверждал, что главная цель переворота – это свержение либерального режима, и что речь идет «не о полном социализме, так как страна ещё нуждается в иностранном капитале».³²⁵ Военные-социалисты предлагали строить такую общественную систему, при которой государство брало бы на себя заботу о благосостоянии трудящихся классов, принимало ответственность за стабильное развитие экономики, гарантировало социальную защиту, здравоохранение и просвещение, что полностью противоречило старым либеральным принципам невмешательства государства в частную жизнь граждан и в управление народным хозяйством.

Под социализмом военные и их союзники подразумевали укрепление государства, жесткое регулирование экономики и усиление контроля властей за всеми областями жизни. «Полный социализм», по их разумению, состоял в полном огосударствлении экономики и социальной сферы. Для построения «полного социализма» было необходимо пройти через этап индустриализации и диверсификации народного хозяйства, для чего и требовался иностранный капитал. Что же касается политической надстройки, то, по их мнению, надлежало немедленно приступить к формированию структур нового строя. Идеологи «государственного социализма» не уставали подчеркивать серьезные отличия от марксистского социализма. Речь шла о «государственном социализме», и

---

³²⁴ Toro D. Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941. P.262–263.

³²⁵ El Diario. 24.05.1936

более того, режим противопоставлял себя интернациональному марксизму, декларируя чисто «национальные цели». Д.Торо подчеркнул превентивный характер «революции», гарантировавшей от сползания к анархии и коммунизму. Все эти масштабные планы революционного преобразования страны должны были реализовываться не во имя интересов пролетариата и его классовых союзников, как о том говорили коммунисты, а во имя государства и нации.

В своем первом послании к нации Д.Торо заявил: «Наше твердое намерение — с помощью левых партий установить государственный социализм»³²⁶. Демонстративно в официальный оборот было введено обращение «товарищ», что придавало романтически розовую окраску всему «социалистическому» движению военных. Новое правительство объявило всеобщую амнистию и отменило осадное положение. Кабинет, поддержав действия профсоюзов, заявил о своей политике защиты интересов трудящихся и ветеранов войны.

26 мая Хунта опубликовала «Программу минимум» из 52 пунктов. Авторство программы принадлежало Э.Бальдивьесо, что отразилось в усилении звучания социалистических принципов. В этом документе говорилось о различиях между хищническим и «хорошим», прогрессивным капиталом, который необходимо защищать, так как он не расхищал национальные богатства, а способствовал промышленному развитию. Из этого положения можно было сделать вывод о готовности нового правительства сотрудничать с национальными и иностранными предпринимателями при контроле со стороны «социалистического» правительства.³²⁷ Говоря о контроле со стороны государства за деятельностью капитала, в том числе и иностранного, военные-социалисты выглядели подлинными новаторами и революционерами, порывающими со всей предыдущей экономической политикой.

В реформировании экономической структуры важное место занимала налоговая реформа. Налоги на прибыль должны были стать главным источником дохода государства, отодвинув на второй план таможенные сборы и косвенные налоги. Налоговая политика должна была стать эффективным инструментом государственного регулирования экономики. Ставилась задача постепенной национализации железных дорог и связи. По мнению военных-социалистов, вся инфраструктура и стратегические отрасли экономики должны были находиться в собственности государства, которое с их помощью создавало бы условия для развития националь-

---

³²⁶ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.24.

³²⁷ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia, P.1753; Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.98.

ного капитала, индустриализации и диверсификации. В текущей экономической политике хунта ставило цели формирования сбалансированного бюджета и достижения финансовой стабилизации, что было животрепещущим вопросом ввиду послевоенной инфляции и нехватки продуктов. Хунта обещала установить субсидии на наиболее важные товары первой необходимости, и прежде всего, на продовольствие, в большей части поступавшего в города по импорту.

Хунта делала многообещающие заявления в области структурных реформ экономики. В отношении горнорудной промышленности программа-минимум обещала пересмотреть систему налогообложения, но главное — предусматривала передачу части акций государству с тем, чтобы вместо частных монополий появились смешанные компании с решающим участием государства. По планам Хунты, долгосрочной перспективой развития горнорудной отрасли была её постепенная национализация через получение государством решающего голоса в управлении предприятиями.

Предполагалось создать Горнорудный банк, который должен был стать государственным агентом с монопольным правом продажи металлов за рубеж. Установление государственного контроля за реализацией продукции позволило бы, избежав национализации самого производства, полностью подчинить действующие компании государству. Данные революционные проекты «социалистической» хунты вызвали энтузиазм и одобрение левых партий, но в то же время заставили олигархию мобилизовать все свои силы. Правым впоследствии удалось похоронить эти планы, не дожидаясь конкретных действий правительства. У военных-социалистов не хватило политической воли и сил для наступления на интересы горнорудных магнатов. Фундаментальные для экономического реформирования страны планы ограничения всевластия монополий и восстановления государственного контроля над сырьевыми ресурсами так и остались на бумаге. Программа-минимум замахнулась также на принцип неприкосновенности частной собственности в земельных отношениях. Заявление правительства о необходимости «способствовать разделу непроизводительных латифундий» было дополнено оговоркой, что данная политика должна проводиться постепенно и осторожно³²⁸.

Одним из главных пунктов программы был пересмотр контракта со «Стандард Ойл» и создание национальной нефтедобывающей отрасли. Дело «Стандард Ойл» связывалась с расследованием экономической и политической ответственности лиц и компаний за развязывание и ведение войны в Чако. Кроме того, хунта собиралась провести чистку общества от коррупционеров, расследовав

---

³²⁸ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. P.1753.

все случаи сомнительного обогащения в период войны.³²⁹ Эти меры должны были стать своего рода моральным реваншем за поражение в войне.

Одним из пунктов программы была реформа государственного и общественного устройства страны. Было заявлено о необходимости реформы государства на «социалистических принципах». В общих чертах эти реформы означали создание новой системы власти, которая заменила бы парламентскую демократию. Основой реформы должна была стать обязательная синдикализация и огосударствление профсоюзов.³³⁰ Политическая составляющая программы была умеренной и пока мало понятной. Речь шла лишь о некоторых реформах государственной машины. Особенно подчеркивалась новая роль профсоюзов как основы всей политической системы. Суть программы можно свести к формуле: всемерное усиление государства.

Резкие антикапиталистические, социалистические декларации новых членов правительства накануне переворота вызывали беспокойство консервативных кругов и иностранного капитала. После майской революции общий тон заявлений социалистов стал более умеренным. Уже после прихода к власти их лидер Э.Бальдивьесо в беседе с британским послом заявил, что все эти радикальные высказывания были лишь пропагандистской данью настроением в обществе, и по сравнению, например, с законами Англии боливийские реформы выглядят более консервативными³³¹. Э.Бальдивьесо говорил правду лишь отчасти. Действительность состояла в том, что крайне архаическая и отсталая система власти и управления экономикой в Боливии нуждалась в реформах, которые для европейских стран выглядели бы умеренными и слабыми. Однако для Боливии — это было революционным разрывом с прошлым. Другое дело, что Э.Бальдивьесо приходилось оправдываться перед иностранными послами и успокаивать США и Великобританию, главных экономических партнеров Боливии, убеждая их в своей лояльности и «добропорядочности».

Военные-социалисты создали новые министерства: труда, горнорудной промышленности, нефти, сельского хозяйства. При министерстве просвещения создавался департамент по крестьянским делам. Декретом от 2 июня 1936 г. было создано министерство труда, перед которым была сформулирована цель — разработать соответствующее трудовое законодательство и провести синдикализацию. Первым министром труда стал лидер забастовщиков мая

---

³²⁹ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.24.

³³⁰ Klein H S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // HANR.1965. vol.47, No.2. P.37.

³³¹ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.100.

1936 г., профсоюзный руководитель, типографский рабочий В.Альварес. Во время переворота рабочая Генеральная ассамблея выдвинула его кандидатуру в качестве представителя профсоюзов в кабинете министров. Его заместителем, правда на очень короткое время, стал Х.Агирре Гайнсборг, перешедший затем в министерство промышленности и торговли³³². На пост директора департамента труда, то есть фактически второго лица в министерстве, был назначен представитель Соцпартии А.Мендоса Лопес³³³, ставший некоторым противовесом слишком левому руководству министерства труда. В министерство труда на пост юридического советника был приглашен известный марксист Х.А.Арсе, вернувшийся из эмиграции. Ответственные должности в министерстве получили профсоюзные лидеры и левые политики, в частности, руководитель марксистской «Левой группы» Р. Анайя и сааведрист У.Севиляно.³³⁴

В первые месяцы существования нового режима важные государственные посты заняли социалисты и даже деятели, имевшие репутацию коммунистов, такие как Х.Агирре Гайнсборг, Х.А.Арсе, Р.Анайя. Военные предпочитали сотрудничать с социалистами и левыми рабочими лидерами всем другим возможным союзам, в частности, с сааведристами. Левые активно принялись за выполнение декларированных военными программных задач, в первую очередь, усиление роли профсоюзов в политической жизни. Привлекая левых в правительство, военные рассчитывали на более тесный союз с рабочим движением, которое на данном этапе рассматривалось ими как главный союзник режима. Сильное рабочее движение, поддерживающее Хунту, было также гарантией лояльности армии, в которой помимо пылких сторонников новой власти оставалось немало консервативных генералов, не принимавших «социалистические» новшества.

При министерстве труда было создано несколько комиссий по разработке трудового законодательства и подготовке трудового кодекса. Направляли работу этих комиссий левые деятели и лидеры рабочего движения. Непосредственное участие в их работе принимал В.Альварес. Правительство шло на большие уступки рабочему движению. 1 июня 1936 г. декретом Хунты была значительно повышена зарплата как государственным служащим, так и работникам частного сектора. Затем другим декретом были установлены

---

³³² Alvarez W. Op.cit. P.98.

³³³ Письмо Д.Торо — В.Альваресу от 3 июня 1936 г. — ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

³³⁴ У.Севиляно, А.Арсе участвовали в 1 конференции красных профсоюзов Латинской Америки в Монтевидео в 1929 г. После этого события У.Севиляно вернулся в Боливию стойким антикоммунистом.

льготы ветеранам войны в Чако³³⁵. Этими популярными мерами новое правительство рассчитывало завоевать доверие к своим планам реформ среди широких слоев населения.

Ветераны Чако были самыми ревностными сторонниками Хунты, что показал 1-ый съезд Легиона ветеранов в Оруро. Главным требованием съезда было проведение расследования в отношении виновников войны и поражения. Там же, на съезде, были исключены те ветераны, которые не поддерживали идею «государственного социализма». ЛЕК стал тем инструментом, посредством которого социалистическое правительство нейтрализовало военных, а именно высшую иерархию, недовольную переменами, сохраняя тем самым контроль над армией в руках неформальных лидеров, то есть инициаторов переворота. В тот момент ветеранским организациям отводилась роль правительственной партии.

В начале июня 1936 г. правительство переживало внутренний кризис. Б.Сааведра пытался играть в Хунте первую роль, что привело к конфликту с военными и поддерживавшими их социалистами. Ему не удалось вбить клин в ряды военных и заручиться поддержкой части армии. Б.Сааведра пытался давить на Хунту, прибегая к традиционным методам мобилизации чоло, городских низов Ла-Паса: были организованы демонстрации, митинги, собрания сторонников республиканцев-социалистов. В эти дни численность ПРС резко выросла, что вызывало беспокойство союзников в правительстве. В начале июня сааведристы собрали большой митинг в Муниципальном театре, на котором открыто противопоставили себя социалистам, деятельность которых они характеризовали как коммунистическую. Б.Сааведра призывал создать единый фронт «умеренных социалистов» вокруг его партии. Газета «Ла Република» развернула кампанию обвинений правительства и военных в потворстве коммунизму. Острые критики Б.Сааведры в адрес хунты было направлено против министерства труда и поддерживавших В.Альвареса социалистов.

Социалисты всё более враждебно реагировали на гегемонистские претензии сааведристов. В начале июня сначала местные организации в провинции, а затем и столичный комитет социалистов заявили о разрыве союза с республиканцами-сааведристами. Д.Торо, желая нейтрализовать Б.Сааведру, предложил ему войти в состав делегации Боливии на мирной конференции в Буэнос-Айресе, что означало удаление лидера «республиканцев-социалистов» из страны, а в конечном итоге, делало неизбежным разрыв его партии с революционной коалицией. После отказа Б.Сааведры конфликт стал открытым.

---

³³⁵ Diaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.25

Главное отличие в поведении сааведристов и социалистов в отношении военных заключалось в том, что последние, осознавая свою организационную слабость, не предполагали единоличное управление страной и мыслили своё будущее исключительно в увязке с армией. Б.Сааведра же изначально шел на союзы и компромиссы во имя достижения полноты власти и последующее удаления вооруженных сил с политической арены, как это было в 1930 г. Конфликт Б.Сааведры и военных становился неизбежным.

В свою очередь социалистам удалось вбить клин в ряды сааведризма. В.Альварес в своих мемуарах рассказывал, как в кабинете министров представителя ПРС Г.Госалвесу уговаривали пересмотреть персоналистскую ориентацию партии и отойти от слепого следования за старым каудильо. Министр финансов Ф.Камперо Альварес прямо предложил Г.Госалвесу с помощью властей сместить Б.Сааведру и возглавить партию, укрепив коалицию «революционной хунты»³³⁶. Заклинания министров и давление военных имели серьезные последствия для ПРС, в которой произошел раскол: из партии выделилась «антиперсоналистская» фракция, поддержавшая правительство Д.Торо.

Ответные действия военных на фронду Б.Сааведры были стремительными и решительными. 21 июня 1936 г. Х.Буш фактически осуществил новый переворот: он распустил хунту и потребовал от Д.Торо сформировать «чисто» военное правительство. Д.Торо, всегда изображавший себя легалистом и противником переворотов, вновь заявил о полной для него неожиданности действий Генштаба. Могло показаться, что переворот направлен именно против него. Однако маловероятно, чтобы Х.Буш провел эту акцию без ведома и согласия главы хунты, ибо именно Д.Торо извлек наибольшую выгоду из этих событий³³⁷.

Х.Буш обратился к нации с манифестом, в котором говорилось о верности курсу «государственного социализма» и движению «национального возрождения», начатого революцией 17 мая. Он обвинил сааведристов в противодействии революционным задачам правительства. Социалистам предлагалось присоединиться к военным на основе «социалистической доктрины» и провести внутреннюю чистку, избавившись от политиканов и попутчиков.³³⁸ В манифесте Х.Буш заявил, что армия опирается исключительно на ветеранов и рабочее движение.³³⁹ Лейтмотивом всех деклараций военных было недовольство политиканством гражданских деятелей и партий, неприятие правил традиционной политической борь-

---

³³⁶ Alvarez W. Op.cit. P.103–104.

³³⁷ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.106–107.

³³⁸ Díaz Machicao P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.27.

³³⁹ El Diario. 27.07.1936.

бы. Заявление Х.Буша было направлено и против социалистов, которых вместе с сааведристами обвинили в колебаниях и в участии в заговорах. Э.Бальдивьесо, который, как и сааведристы, был удален из правительства, не стал оправдываться или защищать собственную партию, а признал правоту Х.Буша. Следствием этого шага Э.Бальдивьесо был его уход с поста главы партии, которую вместо него возглавил Х.Тамайо³⁴⁰. Э.Бальдивьесо сумел сохранить после этого кризиса доверительные отношения с военными, в частности с Х.Бушем.

После выступления Х.Буша была проведена реорганизация правительства. Д.Торо была предоставлена полная свобода в формировании новой хунты.³⁴¹ Из кабинета министров были удалены социалисты и сааведристы. Несмотря на резкие заявления военных, отказавшихся от сотрудничества со своими гражданскими союзниками, социалисты и их рупор газета «Ла Калье» поддержали «переворот». «Ла Калье» в резко антилиберальном духе приветствовала действия Х.Буша: «Мы считаем необходимым предоставить социалистической армии полную свободу для маневра, что позволит военным до конца исполнить свой долг... Мы согласны с жестоким и откровенным использованием власти и силы, чуждой лицемерию и законности старой демократии»³⁴².

22 июня Б.Сааведра был арестован, а затем вместе со своими многочисленными сторонниками депортирован. Из правительства также ушел Э.Бальдивьесо, а К.Монтенегро был отправлен в Буэнос-Айрес в качестве секретаря на мирную конференцию по Чако. Не все гражданские лица были удалены из кабинета министров. В правительстве сохранили свои портфели социалист Ф. Камперо и лидер рабочих профсоюзов В.Альварес, оставшийся на посту министра труда, что подтверждало желание Х.Буша видеть в рабочем движении союзника военного правительства. С этого момента военные-социалисты окончательно порвали со всей традиционной системой достижения согласия в правящем блоке, продемонстрировали боливийской политической элите своё непреклонное желание строить принципиально новое государство и общество.

Острый политический кризис 1935–1936 гг. характеризовался бурным процессом вызревания антиолигархического, антилиберального движения, начертавшего на своих знаменах социалистические и националистические лозунги. Военная катастрофа в Чако была фактором формирования националистического движения в армии. Новые партии и группы консолидировались вокруг военных-реформаторов, поставивших перед собой задачи вывода стра-

---

³⁴⁰ Lorini I. Op.cit. P.210.

³⁴¹ FRUS. 1936. P.236.

³⁴² Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar. P.108.

ны из затянувшегося экономического и политического кризиса и проведения радикальных преобразований общественных структур. Военные-реформаторы в союзе с социалистами и рабочими профсоюзами осуществили государственный переворот, объявив об установлении режима «государственного социализма».

Переворот мая 1936 г. был направлен против олигархического государства и всей архаичной социальной системы. Действия военных и их союзников были поддержаны большинством населения страны, разуверившимся в эффективности инструментов традиционной либеральной демократии, дискредитировавшей себя поражениями на фронте войны в Чако и экономическими катаклизмами. Общество ожидало от новой власти политических и экономических преобразований. Военные практически полностью приняли программу своих союзников социалистов. Период, последовавший за переворотом мая 1936 г., был самым радикальным временем существования режима «государственного социализма», когда казалось, что это лишь начало подлинной социальной революции, способной победить вековую отсталость и зависимость страны. Позднее многие положения первоначальной программы революции были преданы забвению, а наиболее радикально настроенные деятели, ставшие неудобными союзниками более умеренных военных, вынуждены были уйти из правительственных органов.